ПРОСТРАНСТВО ЗНАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ: СТРАТЕГИИ, ТЕХНИКИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Николай Иванович Руденко
Социологический институт Российской академии наук
25/14 7-я Красноармейская ул., Санкт-Петербург, Россия
nckrd@mail.ru

Аннотация: В данной статье этнографический музей рассматривается как пространство знания, т.е. как гетерогенная сеть людей, категорий, техник, социальных конвенций, которые определяют форму и содержание музейного этнографического знания. Опираясь на направление исследований науки и технологий (Science and Technology Studies, STS), мы анализируем два кейса: программу для собирания этнографических данных, предложенную группой этнографов во главе с Д.А. Клеменцем в 1902 г., и современные выставочные буклеты Российского этнографического музея. Они рассматриваются как своеобразные «голограммы» музея, сквозь которые можно было бы увидеть не просто субъективные предпочтения этнографов или социальные конвенции музея как института, но пересекающиеся и интерферирующие силовые линии пространства знания, предполагающего сборку групп людей, категорий знания, техник работы с ним и установленные для него парадигмальные границы.

Ключевые слова: этнографический музей, исследования науки и технологий, пространство знания, программа собрания этнографических предметов, выставочные буклеты, репрезентация.

Для ссылок: Руденко Н. Пространство знания этнографического музея: стратегии, техники и репрезентации // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 11–36.

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/033/rudenko.pdf

KNOWLEDGE SPACE OF ETHNOGRAPHICAL MUSEUM: STRATEGIES, TECHNIQUES, AND REPRESENTATIONS

Nickolay Rudenko
Sociological Institute of Russian Academy of Sciences
25/14 7-ya Krasnoarmeyskaya Str., St Petersburg, Russia
nckrd@mail.ru

Abstract: In this article, the ethnographic museum is considered a “knowledge space”, that is, a heterogeneous network of people, categories, techniques, and social conventions that underpin the form and content of a museum’s ethnographic knowledge.

The article consists of six chapters. In the first, we point to causes that result in a so-called “spatial turn” in the social sciences, particularly the ideas of T. Kuhn. The second chapter is devoted to interpretations of relations between place (space) and knowledge: physicalist, symbolic, heterotopian, and network. The third chapter develops and compares the ideas of D. Turnbull and J. Law, supporters of the network interpretation. While Turnbull suggest looking at dissemination of knowledge from one place to another using particular practices, Law advocates revealing knowledge space by analysing representations. In the forth chapter Turnbull’s ideas are applied to “The Program of Collecting Ethnographic Objects” — the document that helped to extend the knowledge space of ethnographic museum to far corners of the Russian Empire and mobilized collecting practices. The fifth chapter is dedicated to applying three analytic methods (linguistic statistics, heterogeneous network, and conceptual schemes of J. Law and K. Hetherington) to printed materials for exhibitions held between 2010 and 2015 at the Russian Museum of Ethnography. Chapter six tells briefly about what went unnoticed in representations of the printed materials. Thus, two cases were analysed — the program for collecting ethnographic objects and printed materials. We consider these cases as holograms enabling us to see not only the subjective preferences of museum workers and social conventions as the museum acts as a social institute, but also the intersecting and interfering “lines of force” of the knowledge space, assembling peoples, categories of knowledge, techniques, and the boundaries of paradigms.

Keywords: ethnographic museum, science and technology studies, knowledge space, the program for collection of ethnographic objects, exhibition booklets, representation.

To cite: Rudenko N., ‘Prostranstvo znaniya etnograficheskogo muzeya: strategii, tekhniki i reprezentatsii’ [Knowledge Space of Ethnographical Museum: Strategies, Techniques, and Representations], *Antropologicheskij forum*, 2017, no. 33, pp. 11–36.

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/033/rudenko.pdf

Николай Руденко

Пространство знания этнографического музея: стратегии, техники и репрезентации

В данной статье этнографический музей рассматривается как пространство знания, т.е. как гетерогенная сеть людей, категорий, техник, социальных конвенций, которые определяют форму и содержание музейного этнографического знания. Опираясь на направление исследований науки и технологий (Science and Technology Studies, STS), мы анализируем два кейса: программу для собирания этнографических данных, предложенную группой этнографов во главе с Д.А. Клеменцем в 1902 г., и современные выставочные буклеты Российского этнографического музея. Они рассматриваются как своеобразные «голограммы» музея, сквозь которые можно было бы увидеть не просто субъективные предпочтения этнографов или социальные конвенции музея как института, но пересекающиеся и интерферирующие силовые линии пространства знания, предполагающего сборку групп людей, категорий знания, техник работы с ним и установленные для него парадигмальные границы.

Ключевые слова: этнографический музей, исследования науки и технологий, пространство знания, программа собрания этнографических предметов, выставочные буклеты, репрезентация.

Введение

Франц Боас, отец современной американской антропологии, заканчивает свою статью «Цели антропологического исследования» словами: «Наша задача состоит в обнаружении среди разнообразия человеческого поведения того, что присуще всему человечеству. Исследуя универсальность и разнообразие культур, антропология могла бы помочь нам сформировать будущие очертания человечества» [Boas 1932: 613][1]. Немного позже российский этнограф Н.М. Могилянский напишет уже не об антропологии в целом, а об антропологических музеях: «Музеи вдохновляют широкую общественность к социальному познанию себя, к сознательной любви к своему окружению, своему небольшому провинциальному дому, отечеству и, наконец, мировой любви к человечеству» [Cvetkovski 2014: 211–212]. Такое глобальное, всечеловеческое мышление было характерно для многих ученых начала XX в. Наука, в том числе этнография, мыслилась как универсальный феномен, поскольку занималась универсальными законами, по которым действуют объекты в окружающей природе, планеты и космические тела, атомы в микромире, представители других культур во время обрядов инициации.

Николай Иванович Руденко
Социологический институт РАН,
Санкт-Петербург
nckrd@mail.ru

[1] Здесь и далее в цитатах перевод мой.

Это представление просуществовало довольно долго, пока в середине XX в. философ науки Томас Кун не произвел революцию, поставив под сомнение ее универсальный характер. Он продемонстрировал, что наука развивается не кумулятивно, присовокупляя к одним найденным фактам другие внутри общей универсальной рамки, а скачками, или через революции [Кун 2003: 29]. Он также был автором идеи, согласно которой ученые тоже имеют свои сообщества и культуру, определяющую их практики и представления[1]. Эта культура предполагает наличие особой парадигмы, взгляда на мир, и работает по принципу гештальта. Те, кто разделяет одну парадигму научного знания, просто не видят того, что видят те, кто разделяет другую парадигму [Там же: 81]. Именно благодаря Куну стало возможно говорить о производстве научного знания в определенных местах, и тем самым именно он опрокинул граднарратив науки о том, что она способна создавать универсальное знание.

Как отмечает социальный географ Д. Тёрнбалл, Кун буквально перевернул представление о научном исследовании: ученые не открывают законы в окружающем мире, они просто «прикладывают» к миру свою парадигму научного знания и пытаются подогнать мир к этой парадигме [Turnbull 2000: 8]. Это похоже на знаменитую шутку из сериала «Футурама»: «Это не космический корабль летит по Вселенной, сам корабль остается на месте, а двигатель корабля вращает Вселенную».

Для того чтобы понять, как изменилось представление о науке после «революции» Куна, необходимо обратиться к одному из главных ее последствий — повороту к пространству в исследовании наук.

Пространственный поворот в исследованиях научного знания

Исследователи науки и научного знания 1970–1980-х гг. воспользовались открывшимися возможностями для исследования того, в каких местах и с помощью каких практик ученые создают научные факты. Некоторые социологи (чаще всего можно встретить упоминания М. Линча, К. Кнорр-Цетина и Б. Латура) в конце 1970-х гг. начали исследование лабораторий как мест, где «конструируются» факты [Doing 2008][2]. Позже в своей статье «Политика объяснения» Латур отметит, что

---

[1] Что потом повлияло на становление социологии научного знания, см.: [Bloor 1971].

[2] Наибольшую известность получили исследования Б. Латура, изучавшего биологическую лабораторию Солка в Калифорнии и написавшего в соавторстве с С. Вулгаром книгу «Лабораторная жизнь», в которой он провел топологический анализ того, каким образом в лаборатории конструируются и транслируются в публикации научные факты [Латур, Вулгар 2012].

у ученых нет ничего, кроме контингентных, локальных и исторических сущностей, на которые опирается научный авторитет и возможности объяснения [Латур 2012: 114]. Указание на локальность стало доводом в пользу более приземленного и этнографического подхода к изучению научного знания, который не допускает слишком больших обобщений и объяснений за счет привлечения внешнего контекста.

Социологи науки Эди Офир и Стивен Шейпин отмечают, что «[п]околение назад научные идеи свободно парили в воздухе, и историки науки взирали на них с удивлением и восхищением» [Ophir, Shapin 1991: 3]. В качестве примера они ссылаются на слова Дюркгейма о том, что «религиозные верования в менее развитых обществах показывают влияние на себя почвы, на которой сформировались; сегодня истины науки [в западных обществах] не зависят от локальных контекстов» [Ibid.: 4]. Почему же в конце XX в. все стало иначе?

Возможно несколько ответов на этот вопрос. Первый состоит в том, что «опространствление» науки уже после «революции» Куна — это влияние постколониализма, сосредоточившегося на критике представлений о едином прогрессе и центральном месте европейской цивилизации [Law 2011b]. Второй ответ может быть таким: поиск места для научного знания идет вслед за пересмотром научной эпистемологии в целом и особенно наивного представления о свободном и независимом одиноком ученом-гении, который встречается один на один с реальностью и устанавливает законы ее существования [Ophir, Shapin 1991: 5]. Этот ученый испытывает влияние контекста, прежде всего культурного: здесь большую роль, как отмечают Офир и Шейпин, сыграл поздний Витгенштейн с его вниманием к локальным языковым играм и представлением о том, что смысл слов (или научных фактов) определяется его использованием в локальных условиях [Ibid.: 8]. Наконец, влияние на представление о локальности научного знания оказало развитие географии [Shapin 1998: 6], в том числе географии научных исследований [Livingstone 2010].

Большое разнообразие предпосылок рождает и разные способы концептуализации отношений между наукой и пространством. Латур пошел лишь по одному пути пространственного поворота, но имелись и другие возможности. Офир и Шейпин выделяют несколько трактовок зависимости знания от места. 1. Физикалистская трактовка, предполагающая, что разница в наших знаниях зависит от того, где физически мы находимся. Например, присутствие в лаборатории дает нам больше возможностей для формулирования гипотез о том, что мы видим, чем если бы мы просто читали лабораторные отчеты. 2. Куль-

турная трактовка, предполагающая установление символических различений, в том числе с помощью вещей. Например, в целом никто не запрещает нам посетить лабораторию и посмотреть на проводимые там опыты, но существуют правила, негласные нормы, знаки («Не входить!»), которые препятствуют проникновению в некоторые места, где делается знание[1]. 3. Гетеротопическая интерпретация, опирающаяся на концепт гетеротопии Мишеля Фуко, которая исходит из появления в XVI–XVII вв. замкнутых эпистемологических пространств (лаборатории, зоосады, университеты) [Foucault 1997][2].

Однако выделенные трактовки имеют один недостаток: они замыкаются на понятии пространства как эвклидова, трехмерного и замкнутого, располагающего внутри себя физические объекты (и знания). Тогда главный вопрос, согласно Офиру и Шейпину, состоит в следующем: каким образом, если знание локально, оно может распространяться и существовать в разных местах?

Ответ на него может быть получен, если мы рассмотрим специализацию науки не через понятие места как локала — места конкретных практических действий, а через определение пространства как совокупности отношений, существующих между разными объектами (и людьми). В социологии подобный ход был проделан П. Бурдье в проекте социальной топологии [Bourdieu 1989]. В 1990-х гг. под влиянием Фуко понятие пространства становится одним из наиболее значимых в социальной теории, что приводит к появлению материальной семиотики Латура и Джона Ло. Материальная семиотика предполагает, что объекты и люди являются эффектами отношений, т.е. различий внутри сети, подобно тому, как слова в замкнутой системе языка Соссюра получают смысл только в отношении друг с другом [Вахштайн 2006]. Таким образом, следуя здесь интуиции Лейбница в отношении пространства [Верлен 2001], Ло отмечает важную роль «новой» пространственности в том, как мы понимаем реальность: «[Э]та пространственность уже не имеет ничего общего с эвклидовым пространством планеты, пространством физической географии. Мы полагаем, что те-

---

[1] Сюда же относится культурное разделение сакральных и профанных пространства, истинных и ложных. Авторы приводят любопытный пример: в христианстве как истинные воспринимались места одиночества (для спасения души), и только с XVII–XVIII вв. местами истины сделались экспериментальные дома, лекционные залы и лаборатории, т.е. публичные пространства [Ophir, Shapin 1991: 13].

[2] В то же время Офир и Шейпин отмечают, что понятие гетеротопии не описывает все виды научных пространств и практик: одни из них неразрывны со своим объектом (молекулярная биология или исследование искусственного интеллекта), другие располагаются в одном месте, но изучают объекты, находящиеся в других (факультет географии исследует таяние ледников) [Ophir, Shapin 1991: 15].

перь речь идет о материальных сетях, предполагающих иную форму пространства» [Law, Hetherington 2000: 36]. Иную — потому что сама пространственность становится эффектом отношений между гетерогенными объектами и акторами, каждый из которых вносит свою лепту в его построение.

На наш взгляд, пространственный поворот характеризуется представленным выше напряжением между местом и пространством. Если взять конкретный пример, то это напряжение между определенным участком земли, куда свезены звери со всего света, и той сетью категорий, техник дрессировки и людей, которые обеспечивают возможность существования такого феномена, как зоопарк. В дальнейшем мы постараемся учитывать это напряжение, но будем склоняться к трактовке пространства именно в категориях гетерогенной сети. Мы постараемся продемонстрировать полезность пространственного поворота в понимании знания и показать, что знание является не чем-то парящим в воздухе, как и не чем-то укорененным в навыке, но целой сетью, или пространством знания, которое лишь совместным задействованием разных сущностей позволяет различать и мобилизовать определенное представление о мире.

Концептуализация пространства знания в работах Д. Тёрнбалла и Дж. Ло

Обратимся теперь непосредственно к понятию «пространство (пространства) знания» Тёрнбалла и Ло, которое мы затем будем использовать для анализа собственного кейса[1]. Для Тёрнбалла главная задача — понять, каким образом западная наука поглощает объекты из окружающего мира и перерабатывает их, исходя из своих конвенций (здесь он следует логике парадигмы Т. Куна) [Turnbull 2000: 13]. Отвечая на вопрос Офира и Шейпина о том, как знание, будучи локально произведенным, принимает глобальные формы, Тёрнбалл отмечает, что ответ лежит в «наборе социальных стратегий и способов (инструментов, техник (devices)), которые делают знания и практики эквивалентными научным парадигмам и создают связи, делающие локальные знания/практики движимыми и собираемыми» [Ibid.: 50]. Пространство знания — это особая форма сборки (assemblage)[2]. Эта сборка имеет возможность: 1) созда-

[1] Вводя это понятие, Д. Тёрнбалл и Дж. Ло опираются на интуиции Фуко (важность пространства как особой упорядоченности элементов), Ж. Деррида (понятие различания), Ж. Делеза (понятие сборки (assemblage)), а также акторно-сетевой теории (понятие эквивалентности, сети; подчеркивание важности контингентности и локальности).

[2] Это понятие, заимствованное у французских философов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, Тёрнбалл предпочитает по ряду причин; оно предполагает: а) эпистемическое измерение; б) акцент на техно-

вать соглашения по поводу порядка и эквивалентности между людьми (через стандартизацию, коллективную работу, принуждение); 2) заставлять двигаться несоизмеримые между собой и изолированные знания и практики в пространстве и времени от места их локализации (через картинки, фотографии, записи, карты, устные рассказы).

Для Тёрнбалла пространства знания — это сложные пространственные сети, которые распознают через инструменты, процессы и стратегии объекты в окружающем мире, а затем при желании переводят их на свой язык, собирают, переопределяют и показывают уже такими, какими они их видят.

Джон Ло начинает иначе: для него главной особенностью пространства знания является репрезентация. Он исходит из того, что любая репрезентация, даже описание — это форма создания ассоциаций[1], что всегда предполагает нормативность, особую этику и формы мобилизации объектов [Law 2011a: 3]. Поэтому Ло акцентирует внимание на инструментах ассоциации, которые сами вписаны в формы знания. Определенные формы знания предполагают порождение, репрезентацию определенных вещей. Однако эти формы знания существуют не сами по себе, они глубоко вписаны (deeply embedded) в определенные практические и материальные инфраструктуры [Ibid.: 8].

То, во что вписаны формы знания, — это и есть место знания (именно место, а не пространство), это сумма всего того, без чего данная форма знания невозможна. Таким образом, мы прослеживаем схему: место знания — форма(-ы) знания — репрезентация. Именно репрезентацию Ло считает важнейшим свойством пространств знания. Любая репрезентация предполагает: 1) нечто существующее перед нами — присутствующее, скажем, фотографию, или график, или буквы; 2) то, к чему отсылает репрезентация, — некую удаленную реальность; наконец, 3) инаковость (otherness) — то, что вычищено из данной репрезентации, но неявно предполагается как инфраструктура, на которой основывается репрезентация. К этому понятию Ло относит практические (институты) и метафизические (категории) сущности. В итоге идеи Ло можно представить следующим образом (таблица 1):

логии; в) ситуативное и контингентное собирание коллажей, для того чтобы схватить не сравниваемые между собой элементы; г) активность и порождаемость (evolving) практик; д) конституируемую прочность без ясного теоретического фрейма и общего консенсуса; е) схватывание изначально пространственного характера практик и отношений.

[1] Под ассоциацией имеется в виду связывание двух любых элементов набором определенным образом заданных отношений.

Таблица 1

Понимание пространства знания по Дж. Ло [Law 2011a: 8–9]

Институты и технологии (other 1)	Описание (present)
Метафизика (other 2)	Что описывается (absent)

Особенность концепции Ло состоит в следующем. 1. Репрезентация как форма активизации чего-либо и знание сопряжены с институциональными и метафизическими сущностями. Когда мы создаем представление о мире, репрезентируем нечто, мы тем самым перформативно производим не только определенное знание, но и прикрепленное к ним практическое и метафизическое измерение. Ло уделяет внимание в основном именно репрезентационной форме, а не инфраструктуре пространства знания (в отличие от Тёрнбалла). В его собственном описании институциональная структура уходит в туманные зарисовки, в то время как репрезентация выходит на первый план. 2. Пространство предполагает, что каждая из этих структур влияет на другую: если, скажем, мы меняем институты или технологии, то меняются и метафизика, и то, как мы что-то описываем, и т.д. Следуя постструктуралистской логике, восходящей к Деррида и Фуко, Ло выступает за то, чтобы понять, где проходят провалы и разрывы в пространствах знания. Эта стратегия кажется важной как выявляющая то, какие репрезентации не появляются в конкретном пространстве знания.

В оставшейся части статьи мы используем обе концептуализации (которые, уделяя внимание разным аспектам пространства знания, дополняют друг друга), для того чтобы понять, какие стратегии, инфраструктура используются этнографическим музеем для создания определенного пространства знания и какие особенности репрезентации этнических культур можно в нем обнаружить.

Российский этнографический музей как пространство знания

В качестве кейса был выбран Российский этнографический музей — музей федерального значения, находящийся в центре Санкт-Петербурга. Музею принадлежит большое величественное здание в неоклассическом стиле, построенное в начале XX в., с большими светлыми галереями и просторным Мраморным залом, созданным в честь императора Александра III. В нем также имеется множество фондовых помещений с тянущимися на многие сотни метров ящиками, сундуками и полками, наполненными этнографическими вещами: одеждой, крестьянскими инструментами, оружием, драгоценностями —

привезенными в это место за сто предыдущих лет с территории бывшей Российской империи. Есть в музее несколько комнат, заставленных компьютерами и карточными каталогами, а также небольшие уютные отделы, в которых этнографы пишут научные статьи. Однако речь пойдет не об этих пространствах. Нам нужно отстраниться от эвклидова понимания пространства, чтобы увидеть нечто большее, а именно взаимосвязь между инструментами (devices) и социальными стратегиями, которые призваны управлять этими инструментами и координировать их работу. Иначе говоря, нам нужно описать сборку (assemblage), позволяющую существовать определенному знанию в музее.

Программа для собирания этнографических предметов как сборка пространства знания

В 1902 г. один из основателей музея Д.А. Клеменц выпустил выдержавшую несколько переизданий «Программу для собирания этнографических предметов» [Клеменц 1903]. В нее он включил восемь разделов: 1) поселения, постройки, жилище и его принадлежности; 2) одежда и украшения; 3) техника в народном быту; 4) пища и напитки; 5) занятия и промыслы; 6) семейный быт; 7) суеверия и гадания; 8) народная медицина[1].

«Программа для собирания этнографических предметов» была не просто документом. Она была нацелена на решение конкретной задачи — выстроить и мобилизовать сеть собирания народных предметов. Но речь шла о мобилизации не только людей, но и когнитивных схем, представлений, особых техник собирания. Клеменцу[2] необходимо было создать виртуальный мир, или парадигму, которая уже включала бы гетерогенные элементы, необходимые для считывания и собирания этнографических экспонатов. Под парадигмой мы понимаем, вслед за Тёрнбаллом, стремление выстроить замкнутую структуру представления с тем, чтобы затем определить через нее мир [Turnbull 2000: 8]. Говоря словами Тёрнбалла, целью Клеменца было конструирование эквивалентностей между существующим этнографическим знанием и окружающим миром народной культуры. Реальная же задача была еще более сложной: не только создать эквивалентности, но и, опираясь

[1] Отмечается, что эта классификация не совпадала с классификациями конца XIX в. музейных специалистов других стран, например Густава Клемма, Отиса Мэйсона и Питта Риверса, которые также включали оружие, музыкальные инструменты, монеты и манускрипты [Cvetkovski 2013: 235].

[2] Нужно отметить, что программа выпущена анонимно и, видимо, писалась коллективом авторов, но мы персонифицируем ее в нашей работе, чтобы показать «стратегичность» и обдуманность данного проекта пространства знания.

на них, начать собирать конкретные вещи из удаленных районов империи. Из каких структур состояла эта парадигма Клеменца, приведшая в результате к довольно успешному результату (за первые десять лет существования этнографического отдела было собрано около 100 тысяч экспонатов [Баранов 2010: 41])?

Во-первых, в своей программе Клеменц сформулировал, из чего должен состоять тот социальный мир, который позволил бы осуществить собирание: это учреждения и отдельные специалисты по народной культуре, а также частные коллекционеры. На тот момент в музее состояло небольшое количество служащих, и, даже несмотря на наличие отдельных корреспондентов, он не мог обеспечить себя нужным числом людей для собирания. Поэтому здесь была использована стратегия, довольно успешно реализовывавшаяся до того в деятельности общественных организаций и научных обществ, — привлекать заинтересованных знатоков культуры, чиновников, учителей, военных, инженеров для собирания вещей на местах [Bradley 2009]. Нужно также отметить, что в то время активно развивалось движение краеведов [Первушкин 2008]. Широкое распространение получили научные общества, существовавшие в каждом географическом районе Российской империи [Справочник 2015]. Это, а также помощь чиновников (ставшая возможной благодаря тому, что музей возник из этнографического отдела при Русском музее Императора Александра III и позже не терял связи с ним) способствовало установлению отношений с широкой сетью собирателей, краеведов, корреспондентов и ученых, помогавших собирать вещи. Клеменц характеризует две основные особенности того социального мира, который необходим для сбора этнографических примеров: это коллективизм и открытость. По поводу первого в предисловии ко второму изданию он отмечает: «[В]ыполнение же всей огромной задачи этнографического обследования России возможно лишь как результат коллективной работы многих лиц и учреждений» [Клеменц 1903: 10]. Открытость же состоит в том, что мир народной культуры гораздо богаче представленной Клеменцом схемы. Именно поэтому Клеменц обращается к потенциальным собирателям с просьбой применить личное наблюдение и опыт для «собирания характерных предметов, хотя бы и не поименованных в программе» [Там же: 7]. Помимо самих предметов музей нуждается также в постановке новых этнографических вопросов и в новых техниках собирания. Как мы увидим дальше, такая демократичность и открытость были необходимыми социальными стратегиями Клеменца, поскольку он обращался к людям образованным, а сама схема собирания носила довольно сложный характер.

Главным приемом собирания было ведение *дневника* — техника довольно старая, но надежная: «Было бы желательно, чтобы сборщик вел дневник своих работ, внося в него все сведения и указания о жизни данной местности, которые ему удалось собрать путем наблюдений и опросов» [Клеменц 1903: 14]. Для собирания образцов были предложены иные техники: во-первых, каждая собираемая вещь должна была получить *номер* [Там же: 7]. Во-вторых, нужно было указать *место* создания и использования вещи, имя мастера и местное название. Основная цель этих действий — возможность идентификации вещи по этим показателям. Ведь без них, пишет Клеменц, «вещь не может быть этнографическим документом, так как сама требует определения по другим вещам» [Там же: 13]. Помимо «описания и образцов», т.е. записи в дневнике о некоторой вещи или обряде, а также конкретной вещи, которую нужно было взять, по отношению к ряду разделов Клеменц прописывал дополнительные техники собирания. Например, для жилища и транспорта требовались также «1) *модели* по расчету 1/10 натуральной величины для крупных построек; 2) *фотографии*, 3) *чертежи и планы*, *рисунки*, сделанные “хотя бы от руки”» [Там же: 15]. Для фотографий в каждом случае отдельно прописывались объекты, которые нужно было снять, и ракурсы их съемки (например, для населенного пункта техника состояла в постепенном уменьшении масштаба: от снимка целой деревни до съемки конкретных построек). Некоторые инструменты также нужно было изображать целиком, используя разные технологии: «Гончарный горн: его фотография, план, разрезы, размеры и способы обжигания посуды (указать потери % при этой операции)» [Там же: 30]. Таким образом, Клеменц продвигал вполне конкретные техники визуального представления: фотографию, на тот момент бывшую одним из главных средств репрезентации в науке, чертеж, план и рисунок. Как мы видим, последний был наименее предпочтителен, в чем можно увидеть влияние механистической объективности в науке этого периода [Daston, Galison 1992]. В качестве отдельной техники упоминалось составление *списков*, например списков приданого или обыденного и праздничного меню [Клеменц 1903: 48]. Не будет лишним отметить также техники разделения материала по *времени и местности*, что позволяло составлять карты и схемы.

Таким образом, описание коллективной формы сбора дополнялось указанием конкретных техник, которые нужно было использовать для достижения результата. Эти техники позволяли стандартизировать получаемые данные и приводить их в соответствие с понятными репрезентативными схемами, пе-

реводить сложный мир далеких деревень в набор знакомых любому фотографий, схем и чертежей и таким образом создавать единые наборы информации, которые затем могли быть сопряжены друг с другом, обработаны и проанализированы целиком. Говоря словами французского социолога Бруно Латура, они создавали недвижимые мобильности (immutable mobiles) — совокупности репрезентаций и текстов, с которыми в дальнейшем могли работать ученые-этнографы [Latour 1986: 7].

Программа содержала помимо ви́дения социального мира и конкретных техник еще и концептуальные различения, необходимые для того, чтобы соединять эти два элемента вместе. Различения должны были стать основой для когнитивных схем, которые использовались корреспондентами при конкретном сборе. Первое важное различение, вводимое Клеменцом, — это разделение между *духовным и материальным*, при этом под первым понимались как «живая народная речь, предания, народно-поэтическое творчество», так и «культурная и экономическая жизнь» [Клеменц 1903: 7]. Материальное же (материальная культура) сводилось к «жилищу, одежде, утвари, орудиям труда, предметам практической и художественной производительности» [Там же]. Согласно ви́дению Клеменца, материальная культура была выражением духовной, но при этом являлась столь же важной. Сформировав у корреспондента это понятное различение, Клеменц вводил новое разделение между *этнографическим* предметом и *промышленным*: «[Н]адо, однако, помнить, что не все предметы народного труда имеют этнографическое значение, а только те, которые служат для удовлетворения потребностей самого народа. Например, изготовленная крестьянином по чьему-либо заказу рессорная коляска, мраморная ваза или имитация стильной мебели не могут служить объектами для этнографического музея. Подобные предметы имеют значение в промышленном музее, где главное внимание сосредоточено на продукте и его развитии» [Там же]. Он несколько раз повторяет эту мысль, отмечая, что для этнографии «домашнее производство, маленькая мастерская, выделывающая предметы крестьянского обихода» имеет гораздо большее значение, чем заводы или производства. Это разделение между этнографическим и «промышленным» выражается в трех основных дихотомиях: *самобытное — заводское*, *деревянное — железное*, *бывшее в употреблении — новое* [Там же]. Прагматическая функция подобного разделения ясна: корреспондент на месте должен был собирать те предметы, которые сделаны народными умельцами либо для себя, либо для ближайших деревень, но не для развивающегося рынка. Понимая, что и деревни уже насыщены индустриальными товарами,

Клеменц тем не менее выносит их за пределы этнографии, оставляя в ней только чистые формы народных предметов. Предметы — это выражения духовной жизни народа, и потому только вещи, сделанные руками народа для себя, могут ее отразить.

Помимо этих основных различений Клеменц пользуется также рядом других, не менее важных, тем самым уже когнитивно разделяя любой народ на отдельные категории: *постное — скоромное*, *запретное — разрешенное*, *зажиточный — бедный*. В итоге сознание корреспондента уже не было tabula rasa, он шел в деревню с устоявшимися различениями.

Наконец, помимо социальных, технических и когнитивных схем Клеменц предлагает то, что можно было бы назвать *политикой знания*: он в общих чертах обрисовывает характер возможного знания, пути его нахождения, основные блоки, их наполняемость и особенности действия с этими блоками. Так, знание об инструментах и продуктах, получаемых с их помощью, нужно дополнять знанием о сырьевом материале: «У рыбаков есть целая масса примет, суеверий и обрядов, приемов, которыми можно привлечь рыбу, укротить или предотвратить бурю. Необходимо сведения об этом записывать» [Клеменц 1903: 40]. Особое внимание нужно уделять огню и молнии (а не воде или песку, например). Политика знания предполагает, что не все, что встречает этнограф, будет воспринято с одинаковым вниманием. Какие-то части знания будут больше, чем другие. Это зависит как от интереса корреспондента, так и от научных проблем, редкости предмета или обычая и от других факторов.

В итоге программа сбора этнографических предметов предстает как сложная система, которая соединила воедино социальные, технические, когнитивные и материальные сущности, для того чтобы мобилизовать определенную сетку различений и технологию сбора. Несомненно, на местах все было гораздо сложнее, но как способ формирования определенного пространства знания эта программа была одной из ведущих в деятельности музея. До сих пор музей использует в своей работе не только собранные с ее помощью экспонаты, но и определенные в ней категории.

Выставочные буклеты как актуализация пространства знания

Теперь воспользуемся другой концептуализацией для анализа современного пространства знания в этнографическом музее. Согласно идеям Ло, мы можем прикоснуться к пространству знания через анализ репрезентаций, которые оно создает.

В качестве объекта анализа мы возьмем выставочные буклеты[1]. Выставки — это экраны, на которых можно увидеть то, как себя артикулирует пространство знания. Буклеты представляют собой бумажные носители, обычно величиной в половину стандартного листа А4, состоящие из нескольких страниц и содержащие тексты и изображения, связанные с выставкой или представленной на ней темой. Буклеты, наряду с другими текстами на выставке (этикетками, описаниями, аудиогидами и видеороликами), служат способом ознакомления посетителя с контекстами представленных вещей и изображений. Один из музейных работников отмечает: «Небольшой текстик [буклета] — это своего рода высший класс, в нем нужно сконцентрировать модель — для этого требуется больше мастерства, чем для солидного текста, где ты последовательно, шаг за шагом, излагаешь материал» (жен., зав. региональным научным отделом РЭМ). Кроме того, поскольку над выставкой обычно трудятся сразу несколько научных сотрудников, текст буклета часто составляется коллективно: каждый привносит туда свою долю, а затем куратор выставки редактирует весь текст[2]. Таким образом, буклет — это компактная форма разворота пространства знания, дающая возможность выявить основные создаваемые в музее реальности.

В социологической литературе разработано немало методов анализа репрезентаций. Мы используем три основных метода: лингвистическую статистику, гетерогенные сети и концептуальную схему. Сначала воспользуемся наиболее простым из них, лингвистической статистикой: попробуем использовать для анализа содержания буклетов выставок РЭМ программу лингвистической статистики World Cloud. Эта программа анализирует частоту употребления слов в определенном тексте, а затем визуализирует эту частоту в виде схемы. Более крупный размер слов говорит о том, что они употребляются чаще, чем те, которые отображены более мелким шрифтом. Для анализа мы взяли восемь буклетов выставок РЭМ, экспонировавшихся с 2010 по

---

[1] РЭМ разрабатывает и проводит ежегодно более 40 выставок, как в своих стенах, так и в других музеях, с которыми сотрудничает. Эти выставки сильно различаются: среди них есть выставки под юбилейную дату, выставки в честь отцов-основателей, выставки, посвященные определенной теме, предмету или территории, выставки по мотивам полевых исследований. В качестве объекта анализа мы взяли внутренние выставки, посвященные конкретным темам, предметам или территориям. Такой выбор аргументируется тем, что при внешних выставках всегда происходят компромиссы и смешения пространств знания разных музеев, так же как и при больших юбилейных заказных выставках. Тематические концептуальные выставки, на которых мы остановили свой выбор, несмотря на зависимость от личности музейного сотрудника, могут в большей мере продемонстрировать характерный эпистемический стиль РЭМ.

[2] Иногда у буклета есть отдельный автор, которым необязательно является куратор. Кроме того, буклет содержит фотографии и разного рода изображения, которыми, так же как и верстkой и выбором цветов оформления, занимаются отдельные люди.

2014 г. Мы выписали лексику из буклетов и загрузили ее в программу Wordle[1]. В результате была получена следующая схема:

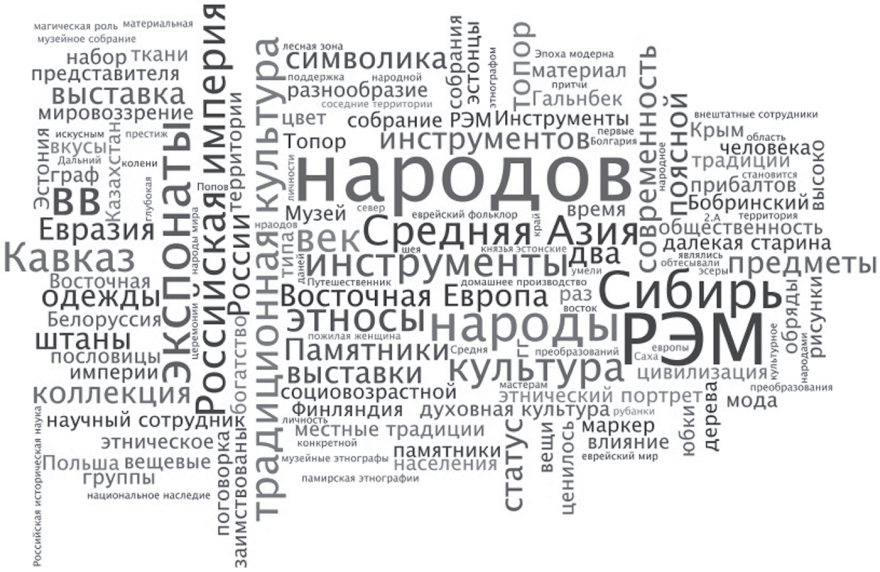

Схема 1. Визуальная статистика слов на основании анализа восьми буклетов к выставкам Российского этнографического музея

Во-первых, как мы видим, частота употребления словосочетания «РЭМ» показывает, что РЭМ рассматривается как познающий (собирающий, изучающий, хранящий) субъект и становится важной частью репрезентации. Репрезентируются не просто народы (или этносы), а народы такими, какими их изучает РЭМ. Буклет как форма ориентирован не только на представление темы, но и на представление музея. Во-вторых, выделяется само слово «народы» (заметим, что оно употребляется чаще, чем слова «этнос» или «традиция»). Как отмечает в этнографической энциклопедии В. Козлов, народы — понятие более общее и более знакомое (среднему посетителю), чем понятие этноса, которое является более специфическим [Козлов 1995]. В-третьих, отметим слова «Кавказ», «Сибирь», «Средняя Азия», а также, встречающееся с меньшей частотностью, «Восточная Европа». Эти понятия отражают географию регионов в представлении музейных сотрудников. В музее существуют отделы с одноименными названиями («Отдел этнографии Сибири и Дальнего Востока», «Отдел этнографии Средней Азии, Кавказа и Казахстана»). Географический принцип коллекционирования, хранения и выставления экспонатов является здесь основополагающим. Более конкретные регионы, такие как

[1] См. официальный сайт Wordle: <http://www.wordle.net/>.

Финляндия, Эстония, Крым, Белоруссия и др., также упоминаются в буклетах, но этих упоминаний гораздо меньше, и они появляются чаще всего в буклетах, посвященных данной региональной теме. В-четвертых, важно отметить отсылку к Российской империи (чаще всего с прилагательным «бывшая») и Евразии. Причем понятие Евразии в данных буклетах включает в себя территорию Российской империи и окружающих ее народов и исключает, например, Китай, Индию и Западную Европу. В одном из буклетов, посвященных деревообрабатывающим инструментам, авторы даже подчеркивают культурные и этнические границы: «Некоторые же [инструменты], например, рубанки и пилы[,] появились у народов Евразии в XVIII — первой половине XIX века и были заимствованы из Западной Европы» [Топор всему голова 2012]. Тем самым авторы буклета остаются в воображаемых границах, заданных основателями музея еще в начале XX в. В-пятых, привлекает внимание акцент на экспонатах: авторы выставки стремятся показать не реализм выставки, а то, с помощью чего и как она была сделана. В-шестых, можно отметить важность понятия традиционной культуры, которое также встречается довольно часто. Это понятие более общее, нежели понятие этнической культуры, относящееся к конкретному этносу, и отсылает ко всему состоянию «традиционности», присущему разным народам в конце XIX — начале XX в. В-седьмых, интересно также упомянуть понятия, которыми характеризуется традиционная культура: они имеют широкий охват, от нематериального (символика, мировоззрение, духовная культура) до материальных конкретных вещей (юбка, топор, инструменты).

Итак, проведенный анализ дал нам возможность увидеть, на каких реальностях, одновременно задающих границы представления, делается акцент. Однако этого анализа, конечно, было бы недостаточно. Требуется схема, с помощью которой можно было бы не просто выделить те или иные особенности, но и рассмотреть отношения между объектами внутри репрезентации.

Мы проанализировали один из буклетов, посвященных традиционной культуре сибирских народов, с большей точностью и выделили основных акторов, упоминающихся в нем [Циркумполярная цивилизация на вечной мерзлоте 2012], см. схему 2 на цветной вклейке[1].

[1] Следует сказать о методологии построения графа. В традициях акторно-сетевой теории мы ориентировались на понятие актантов, т.е. сущностей (людей и не-людей), которые действуют. Поэтому сначала из буклета [Циркумполярная цивилизация на вечной мерзлоте 2012] были выписаны те объекты, о которых шла речь. Затем этим объектам был приписан тот или иной класс (вещь, индивид, коллектив и т.д.) и выписано то, что они делают. После этого с помощью программы Yed <http://www.yworks.com> был построен граф из выписанных объектов, где цветами указаны их классы. Узлы — это выписанные объекты, связи — любые отношения между объектами.

Какие особенности репрезентации мы здесь видим?

1. *Гетерогенность*. Упоминаемые элементы включают в себя не только предметы традиционной культуры или народы (чукчи, ненцы, долганы и т.д.), но и культурные учреждения (РЭМ, Объединенный музей Якутии, краеведческий музей в селе Оленёк), территории (Якутия, якутские улусы, Россия, Санкт-Петербург), отдельных собирателей или этнографов (губернатор И.И. Крафт, сотрудник РЭМ А.Н. Каплан, ссыльный этнограф Э. Пекарский), особенности культуры народов (оленеводство, праздники, духовная культура), конкретные экспонаты на выставке (печать тойона, орнаментированная берестяная покрышка), сами выставки («Мир Олонхо»), природные объекты (северный олень).

2. *Преобладание замкнутых «культур»*. Культурные реальности народов (оленеводство, традиционное природопользование) составляют наибольшее количество акторов на графе, но они соединяются преимущественно с самими народами (или с природными объектами), формируя замкнутые подсети.

3. *Индивидуальность*. Индивиды (собиратели и этнографы) также составляют большое количество элементов, хотя они репрезентационно связаны со сбором предметом или созданием выставок, формируя вместе с ними отдельные подсети.

4. *Анонимность коллективов*. Коллективные народные акторы, такие как «неизвестные мастерицы конца XIX — начала XX в.», или «талантливые резчики», или «петербуржцы», упоминаются без точных имен и обычно представлены в пассивном залоге (их знают, ими восхищены).

5. *Доминирование территории*. Территории (в данном случае — Якутия) являются основополагающими узлами для соединения остальных акторов: народов, Российского государства, экспонатов, деятельности этнографов.

В результате мы получаем многослойную репрезентацию, в которой можно различить, с одной стороны, РЭМ, его выставки, экспонаты и собирателей, а с другой стороны — отдельную репрезентацию северных народов и их культур, при этом последние даны обобщенно, без имен и конкретизации, а первые четко увязаны со своими занятиями, временем деятельности и наименованиями.

Теперь перейдем к другому типу анализа концептуальных оснований создателей выставки. В основе анализа — подход Ло, изложенный в его совместной с К. Хезерингтоном работе «Аллегория и вмешательство: репрезентация в социологии» [Law, Hetherington 1999]. Авторы предлагают анализировать

репрезентацию с точки зрения того, какие «сущности» она создает, т.е. какие элементы задействует, в каких пространствах, временах и какие отношения между ними выстраивает. Они также утверждают, что автор любой репрезентации опирается на определенные онтологические и эпистемологические допущения (assumptions). Последние могут быть незаметны при чтении, но они создают возможность для сосуществования репрезентируемых сущностей и выстраивания отношений между ними [Law, Hetherington 1999: 2]. Выделенные допущения и использование их в анализе буклета выставки «Циркумполярная цивилизация на вечной мерзлоте» представлены в таблице 2.

Таблица 2

Применение модели анализа репрезентации Дж. Ло и К. Хезерингтона к анализу восьми буклетов выставок РЭМ

Категория репрезентации	Выявленные паттерны
Онтологические допущения	
Материальность (из чего состоит мир, материальное — нематериальное, социальное, идеальное, эмоциональное, бессознательное)	Авторы буклетов допускают существование как материальных (юбки, топоры), так и нематериальных (духовная культура, научная мысль) объектов. Кроме того, особый акцент делается на социальных (индустриализация), этнических (народы), культурных (ритуалы, мировоззрение) составляющих. Порой отдельно выделяются психологические аспекты (личность, терпение), а также политические сущности (государство, революция и др.).
Пространственность (какие формы пространственности представлены, сложные они или простые, есть ли разрывы)	Основная форма пространственности для авторов — это воображаемая территория бывшей Российской империи, в которой выделяются территории Сибири, Кавказа, Средней Азии, Восточной Европы, Прибалтики, Крыма как имеющие свои особенности составляющие. Иногда используется понятие Евразии для характеристики данной территории. Кроме того, риторически выделяется РЭМ как особое пространство собирания и показа.
Темпоральность (какие времена представлены, одно время или несколько, циклическое ли оно, прерывистое ли оно)	Временной аспект репрезентации представляет собой напряжение между «этнографической современностью» (конец XIX — начало XX в.) и настоящей современностью (конец XX — начало XXI в.), порой указываются отдельные даты или этапы коллекционирования, исследования тех или иных народов.

Продолжение таблицы 2

Категория репрезентации	Выявленные паттерны
Что существует? (Объекты и их атрибуты, определенность, статичность)	В тексте обычно выделяются гетерогенные элементы. «Культурные составляющие» этносов могут меняться под воздействием различных факторов, в то же время речь идет об определенной «вневременной» традиционной культуре, которую репрезентируют этнографы. Отмечается, что многие народы характеризуются универсалиями в одежде, мировоззрении и т.д. Материальные вещи обладают семантическим статусом, символическим и прагматическим значением.
Отношения (что связано с чем, каков характер этой связи, равны — неравны, что более важно?)	Мировоззрение народа влияет на его вещные аспекты. Таким образом, вещь (или связанное с ней ремесло) выступает как знак того или иного социального статуса. Также собранные экспонаты и коллекции могут характеризовать те или иные культурные особенности этносов. Собиратели изображены в позитивных тонах, они изучают народы для их же блага (сохранение культуры, рождение самосознания). При этом влияние самих народов на этнографов не показано. Многие этносы представлены как пассивные, ожидающие «спасения» от этнографов. Коллекционеры, этнографы и собиратели репрезентируются как принадлежащие к высшему сословию.
Эпистемологические допущения	
Модальности знания (как некто знает, текстуально или визуально, как знание передается от одного к другому?)	Способ получения знания — это собирание и изучение вещей, фотографирование и изображение предметов и разных событий (обрядов), важных текстов. Знание передается через предметы, фотографии, полевые записи, выставки.
Кто или что знает? Только люди или также животные, общества, машины?	Знанием обладают этнографы-собиратели и хранители.
Пространственность (где приобретается знание, концентрируется ли оно в одном месте или распространяется, различаются ли разные виды знания?)	Знание концентрируется в разных местах, в основном в РЭМ, но также в самой культуре, в правительстве, у краеведов.

Окончание таблицы 2

Категория репрезентации	Выявленные паттерны
Гомогенность (есть ли в знании напряжение; напряжение телесное, рациональное, мистическое, вербальное)	Знание в основном репрезентируется как рациональное и вербальное.
Экологии экономик (отделен ли знающий от познаваемого, полностью или частично, пассивно ли познаваемое, объект это или диалог, какая пространственная форма связывает субъект и объект?)	Познающий — это чиновник или музейный этнограф, отделенный от познаваемого народа, более того, имеющий культурную миссию его описания.
Темпоральность (мир, объект существуют до знающего субъекта, или они за пределами времени?)	Репрезентация в стиле «наивного реализма»: некоторая этническая культура существует до ее описания и анализа этнографом.

В общем результаты схожи с тем, что Ло и Хезерингтон характеризуют как «евро-американский набор онтологических и эпистемологических допущений» [Law, Hetherington 1999: 2]. Они говорят о том, что для этого набора характерен акцент на когнитивном и текстуальном как основе знания. Основные познающие — это люди, знание сконцентрировано в определенной точке, оно может быть интегрировано, оно аналогично себе, познающий отделен от познаваемого, и мир существует до познающего субъекта. Эти допущения предполагают, что мир наполнен материальными объектами, некоторые из которых социальны, пространства топологически аналогичны, есть одно (линейное) время, некоторые параметры одних объектов важнее, чем других. Все это мы можем наблюдать и при анализе буклетов, правда, с этнографической спецификой: помимо текстуального и когнитивного важны вещи (экспонаты). В то же время вещи не обладают важностью или способностью действовать сами по себе, они выступают скорее как этнические маркеры или инструменты. Вещи «привязаны» к народам и выражают их «этнический характер». Несмотря на различия в «этническом портрете», в пределах евразийского континента народы объединяют определенные универсалии (традицион-

ная культура), такие как инструменты, одежда, некоторые ритуалы и обряды. Этнографы собирают информацию об этих универсалиях и этнических особенностях, чтобы познакомить «потомков» с традиционной культурой. В результате именно музей выступает как «точка», где сконцентрировано знание в виде исследования и выставок. Заметим, что в буклетах только музей (или его помощники и коллеги) изображается как действующий и собирающий: нарратив построен таким образом, что история исследования определенного народа сходится в музее, а затем снова «исходит» из него на выставку.

Репрезентация, которой нет

Все три примененных метода анализа репрезентации (визуальная статистика употребления слов, гетерогенная сеть и схема концептуальных допущений) указывают не только на показываемые объекты, но и на те, которых нет, на реальности, которые с помощью репрезентации делаются невозможными и скрываются.

Какие реальности отсутствуют в буклетах? Во-первых, отсутствует упоминание о других музеях или подобных учреждениях, которые занимаются собиранием. Они могут упоминаться, но вовсе не играют первых ролей в драме репрезентации. В буклете о северных народах упоминается Объединенный музей истории и культуры Якутии, но опять же в связи с тем, что он сотрудничает с РЭМ. Большинство упоминаемых этнографов и корреспондентов так или иначе связаны с РЭМ. Во-вторых, отсутствует репрезентация социального или классового деления народов, их политических институтов и часто экономической деятельности. Такое отсутствие может быть объяснено концептуальным разделением между этнографическим и промышленным, которое проводил Клеменц, но любопытно, что это деление действует до сих пор. В-третьих, нет выхода за пределы Евразии и установленных регионов — они также были выделены еще в начале XX в. для целей сбора экспонатов. Впрочем, в некоторых буклетах описываются более мелкие территории, такие как Якутия. В-четвертых, отсутствует равенство познания между этнографами и народами. Это выражается в неявном отделении этнографов от народов: первые связаны с экспонатами, выставками, фотографиями, это государственные чиновники и ученые, в то время как вторые связаны исключительно с природой, с которой борются, или с народной культурой, в которую погружены. Их участие в познании себя и этнографов не предполагается. Причем такое разделение происходит сразу по ряду параметров: по времени (вневременные народы или народы

в эпоху «этнографической современности», хронологически прослеживаемые сборы экспонатов), в пространстве (народы живут на своих территориях в природной среде, а этнографы — в государстве и в социальном музейном мире), по типу деятельности (народы выживают или создают традиционную культуру, этнографы собирают, познают и делают выставки), категориально (народы преимущественно коллективны и анонимны, а жители музейного мира индивидуальны и имеют имена и регалии).

Заключение: РЭМ как пространство знания

Этнографические музеи в последнее время нередко становились объектами исследований [Байбурин 2004; Форум 2007; Баранов 2010]. Настоящая статья, в отличие от указанных работ, не претендует на всесторонний охват деятельности музея или рассмотрение ее генеалогии. Два кейса — «Программа для собирания этнографических предметов» 1902 г. и выставочные буклеты 2010–2014 гг. — были рассмотрены нами как «голограммы» музея, сквозь которые можно увидеть не просто субъективные предпочтения этнографов или социальные конвенции музея как института, но пересекающиеся и интерферирующие силовые линии пространства знания, предполагающего сборку групп людей, категорий знания, техник работы с ним и парадигмальные границы, для него установленные. Охарактеризовав буклеты выставок, мы попытались показать, как знание проводит разделение видимого и невидимого, а проанализировав программу для собирания, продемонстрировали, как оно способно распространять себя за пределы одного места. Преимущество такого подхода заключается в возможности идти от точки к точке, устанавливая соответствия между входящими объектами и людьми и исключая внешний контекст или «трансцендентную» природу науки как причины возникновения знания. Следующий возможный шаг — это проведение сравнительного анализа нескольких пространств знания на пересечении разных периодов, парадигм, континентов, национальных государств, метрополий и регионов. Другой исследовательский ход — заняться тем, что называют “hairsplitting”, т.е. выяснением и нюансированием различий внутри отдельного пространства знания. В любом случае есть большая вероятность, что данный проект, находящийся на пересечении социологии, антропологии, философии, географии и истории, будет полезен для каждой из этих дисциплин и создаст между ними пространство взаимного обмена и обогащения знанием.

Источники

[Клеменц 1903] Программа для собирания этнографических предметов. СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1903. 51 с.

[Топор всему голова 2012] *Федосеенко О.А.* (ред.). Топор всему голова Инструменты по обработке дерева XIX–XX веков. СПб.: Славия, 2012. 8 с.

[Циркумполярная цивилизация на вечной мерзлоте 2012] *Федосеенко О.А.* (ред.). Циркумполярная цивилизация на вечной мерзлоте. СПб.: Славия, 2012. 4 с.

Библиография

Байбурин А. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1. С. 81–87. <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/bab13.html>.

Баранов Д.А. Этнографический музей и «рационализация системы» // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 26–43.

Вахштайн В.С. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 24–29.

Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 25–46.

Козлов В.И. (отв. ред). Свод этнографических понятий и терминов. М.: ИЭА РАН, 1995. 216 с. (Этнические и этносоциальные категории / Под общ. ред. Ю.В. Бромлея, С.И. Вайнштейна).

Кун Т. Структура научных революций / Сост. В.Ю. Кузнецов; пер. с англ. И.З. Налетова, В.Н. Порус, А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2003. 605+1 с.

Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143.

Латур Б., Вулгар С. Лабораторная жизнь. Конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 178–234.

Первушкин В.И. Создание историко-краеведческих музеев в российской провинции во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерний) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 62. С. 168–173.

[Справочник 2015] Справочник научных обществ России. 2015. <http://www.snor.ru/>.

Форум «Этнографические музеи сегодня» // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 7–132.

Bloor D. Essay Review: Two Paradigms for Scientific Knowledge? // Social Studies of Science. 1971. Vol. 1. No. 1. P. 101–115.

Boas F. The Aims of Anthropological Research // Science. New Series. 1932. Vol. 76. No. 1983. P. 605–613.

Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. 1989. Vol. 7. No. 1. P. 14–25.

Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Cambridge: Harvard University Press, 2009. XIV+366 p.

Cvetkovski R. Empire Complex: Arrangements in the Russian Ethnographic Museum, 1910 // Cvetkovski R., Hofmeister A. (eds.). An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR. Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2014. P. 211–253.

Daston L., Galison P. The Image of Objectivity // Representations. 1992. No. 40 (Special issue: Seeing Science). P. 81–128.

Doing P. Give Me a Laboratory and I Will Raise a Discipline: The Past, Present and Future Politics of Laboratory Studies in STS // Hackett E.J., Amsterdamska O., Lynch M., Wajcman J. (eds.). The Handbook of Science and Technology Studies. 3rd ed. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 2008. P. 279–295.

Foucault M. Of Other Spaces: Utopias and Heterotopias // Leach N. (ed.). Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory. L.; N.Y.: Routledge, 1997. P. 330–337.

Latour B. Visualisation and Cognition: Drawing Things Together // Knowledge and Society: Studies in the Sociology of Culture, Past and Present. 1986. Vol. 6. P. 1–40.

Law J. Actor-Network Theory and Material Semiotics // Turner B.S. (ed.). The New Blackwell Companion to Social Theory. 3rd ed. Oxford: Blackwell, 2008. P. 141–158.

Law J. Knowledge Places. Plenary paper prepared for the workshop "Linking STS and the Social Sciences: Transforming 'the Social'?" October 28–29 at Kookmin University, Seoul, Korea. 2011a. <http://heterogeneities.net/publications/Law2011KnowledgePlaces.pdf>.

Law J. What's Wrong with One-World World? The paper presented to the Center for Humanities, Wesleyan University, Middletown, Connecticut on 19th September 2011. 2011b. <http://ww.heterogeneities.net/publications/Law2011WhatsWrongWithAOneWorldWorld.pdf>.

Law J., Hetherington K. Allegory and Interference: Representation in Sociology. Lancaster: Lancaster University, 1999. 15 p. <http://www.lancs.ac.uk/fass/sociology/research/publications/papers/law-hetherington-allegory-interference.pdf>.

Law J., Hetherington K. Materialities, Spatialities, Globalities // Bryson J.R.A. (ed.). Knowledge, Space, Economy. L.: Routledge, 2000. P. 34–49.

Livingstone D. Putting Science in Its Place: Geographies of Scientific Knowledge. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2010. 244 p.

Ophir A., Shapin S. The Place of Knowledge: A Methodological Survey // Science in Context. 1991. Vol. 4. No. 1. P. 3–22.

Shapin S. Placing the View from Nowhere: Historical and Sociological Problems in the Location of Science // Transactions of the Institute of British Geographers. 1998. No. 23. P. 5–12.

Turnbull D. Masons, Tricksters and Cartographers: Comparative Studies in the Sociology of Scientific and Indigenous Knowledge. N.Y.: Taylor & Francis, 2000. 276 p.

Knowledge Space of Ethnographical Museum: Strategies, Techniques, and Representations

Nickolay Rudenko

Sociological Institute of Russian Academy of Sciences
25/14 7-ya Krasnoarmeyskaya Str., St Petersburg, Russia
nckrd@mail.ru

In this article, the ethnographic museum is considered a "knowledge space", that is, a heterogeneous network of people, categories, techniques, and social conventions that underpin the form and content of a museum's ethnographic knowledge.

The article consists of six chapters. In the first, we point to causes that result in a so-called "spatial turn" in the social sciences, particularly the ideas of T. Kuhn. The second chapter is devoted to interpretations of relations between place (space) and knowledge: physicalist, symbolic, heterotopian, and network. The third chapter develops and compares the ideas of D. Turnbull and J. Law, supporters of the network interpretation. While Turnbull suggest looking at dissemination of knowledge from one place to another using particular practices, Law advocates revealing knowledge space by analysing representations. In the forth chapter Turnbull's ideas are applied to "The Program of Collecting Ethnographic Objects" — the document that helped to extend the knowledge space of ethnographic museum to far corners of the Russian Empire and mobilized collecting practices. The fifth chapter is dedicated to applying three analytic methods (linguistic statistics, heterogeneous network, and conceptual schemes of J. Law and K. Hetherington) to printed materials for exhibitions held between 2010 and 2015 at the Russian Museum of Ethnography. Chapter six tells briefly about what went unnoticed in representations of the printed materials. Thus, two cases were analysed — the program for collecting ethnographic objects and printed materials. We consider these cases as holograms enabling us to see not only the subjective preferences of museum workers and social conventions as the museum acts as a social institute, but also the intersecting and interfering "lines of force" of the knowledge space, assembling peoples, categories of knowledge, techniques, and the boundaries of paradigms.

Keywords: ethnographic museum, science and technology studies, knowledge space, the program for collection of ethnographic objects, exhibition booklets, representation.

References

Baiburin A., 'Etnograficheskiy muzey: semiotika i ideologiya' [Ethnographic Museum Today: Semiotics and Ideology], *Neprikosnovennyy zapas*, 2004, no. 1, pp. 81–87. <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/bab13.html>. (In Russian).

Baranov D. A., 'Etnograficheskiy muzey i "ratsionalizatsiya sistemy"' [The Ethnographic Museum and the "Rationalisation of the System"], *Etnograficeskoe Obozrenie*, 2010, no. 4, pp. 26–43. (In Russian).

Bloor D., 'Essay Review: Two Paradigms for Scientific Knowledge?', *Social Studies of Science*, 1971, vol. 1, no. 1, pp. 101–115.

Boas F., 'The Aims of Anthropological Research', *Science. New Series*, 1932, vol. 76, no. 1983, pp. 605–613.

Bourdieu P., 'Social Space and Symbolic Power', *Sociological Theory*, 1989, vol. 7, no. 1, pp. 14–25.

Bradley J., *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society*. Cambridge: Harvard University Press, 2009, XIV+366 pp.

Cvetkovski R., 'Empire Complex: Arrangements in the Russian Ethnographic Museum, 1910', Cvetkovski R., Hofmeister A. (eds.), *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR*. Budapest; New York: Central European University Press, 2014, pp. 211–253.

Daston L., Galison P., 'The Image of Objectivity', *Representations*, 1992, no. 40 (Special issue: Seeing Science), pp. 81–128.

Doing P., 'Give Me a Laboratory and I Will Raise a Discipline: The Past, Present and Future Politics of Laboratory Studies in STS', Hackett E. J., Amsterdamska O., Lynch M., Wajcman J. (eds.), *The Handbook of Science and Technology Studies*. 3rd ed. Cambridge, MA; London: MIT Press, 2008, pp. 279–295.

'Forum: Ethnographical Collections in the Modern Museum', *Forum for Anthropology and Culture*, 2007, no. 4, pp. 148–248.

Foucault M., 'Of Other Spaces: Utopias and Heterotopias', Leach N. (ed.), *Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory*. London; New York: Routledge, 1997, pp. 330–337.

Kozlov V. I. (ed.), *Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov* [Code of Ethnographic Notions and Terms]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, 1995, 216 pp. (Etnicheskie i etnosotsialnye kategorii [Ethnic and Ethno-Social Categories] / Ed. by Yu. V. Bromlei, S. I. Vainshtein). (In Russian).

Kuhn T., *The Structure of Scientific Revolutions*. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1996, 212 pp.

Latour B., 'Visualisation and Cognition: Drawing Things Together', *Knowledge and Society: Studies in the Sociology of Culture, Past and Present*, 1986, vol. 6, pp. 1–40.

Latour B., 'The Politics of Explanation: An Alternative', Woolgar S. (ed.), *Knowledge and Reflexivity: New Frontiers in the Sociology of Knowledge*. London; Newbury Park; Beverly Hills; New Delhi: Sage, 1988, pp. 155–176.

Latour B., Woolgar S., *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London: Sage, 1979, 272 pp.

Law J., 'Actor-Network Theory and Material Semiotics', Turner B. S. (ed.), *The New Blackwell Companion to Social Theory*. 3rd ed. Oxford: Blackwell, 2008, pp. 141–158.

Law J., *Knowledge Places*. Plenary paper prepared for the workshop 'Linking STS and the Social Sciences: Transforming "the Social"?' October 28–29 at Kookmin University, Seoul, Korea. 2011a. <http://heterogeneities.net/publications/Law2011KnowledgePlaces.pdf>.

Law J., *What's Wrong with One-World World?* The paper presented to the Center for Humanities, Wesleyan University, Middletown, Connecticut on 19th September 2011. 2011b. <http://ww.heterogeneities.net/publications/Law2011WhatsWrongWithAOneWorldWorld.pdf>.

Law J., Hetherington K., *Allegory and Interference: Representation in Sociology*. Lancaster: Lancaster University, 1999, 15 pp. <http://www.lancs.ac.uk/fass/sociology/research/publications/papers/law-hetherington-allegory-interference.pdf>.

Law J., Hetherington K., 'Materialities, Spatialities, Globalities', Bryson J. R. A. (ed.), *Knowledge, Space, Economy*. London: Routledge, 2000, pp. 34–49.

Livingstone D., *Putting Science in Its Place: Geographies of Scientific Knowledge*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2010, 244 pp.

Ophir A., Shapin S., 'The Place of Knowledge: A Methodological Survey', *Science in Context*, 1991, vol. 4, no 1, pp. 3–22.

Pervushkin V. I., 'Sozdanie istoriko-kraevedcheskikh muzeev v rossiyskoy provintsii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. (na materialakh Penzenskoy, Saratovskoy i Tambovskoy guberniy)' [Creating a Local History Museum in the Russian Province in the Second Half of the 19th — Beginning of the 20th Centuries. (On Materials of the Penza, Saratov, and Tambov Provinces)], *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, no. 62, pp. 168–173. (In Russian).

Shapin S., 'Placing the View from Nowhere: Historical and Sociological Problems in the Location of Science', *Transactions of the Institute of British Geographers*, 1998, no. 23, pp. 5–12.

Spravochnik nauchnykh obshchestv Rossii [Directory of Scientific Societies in Russia], 2015. <http://www.snor.ru/>. (In Russian).

Turnbull D., *Masons, Tricksters and Cartographers: Comparative Studies in the Sociology of Scientific and Indigenous Knowledge*. New York: Taylor & Francis, 2000, 276 pp.

Verlen B., 'Obshchestvo, deystvie i prostranstvo. Alternativnaya sotsialnaya geografiya' [Society, Action, and Space. Alternative Social Geography], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2001, vol. 1, no. 2, pp. 25–46. (In Russian).

Иллюстрация к статье Н. Руденко

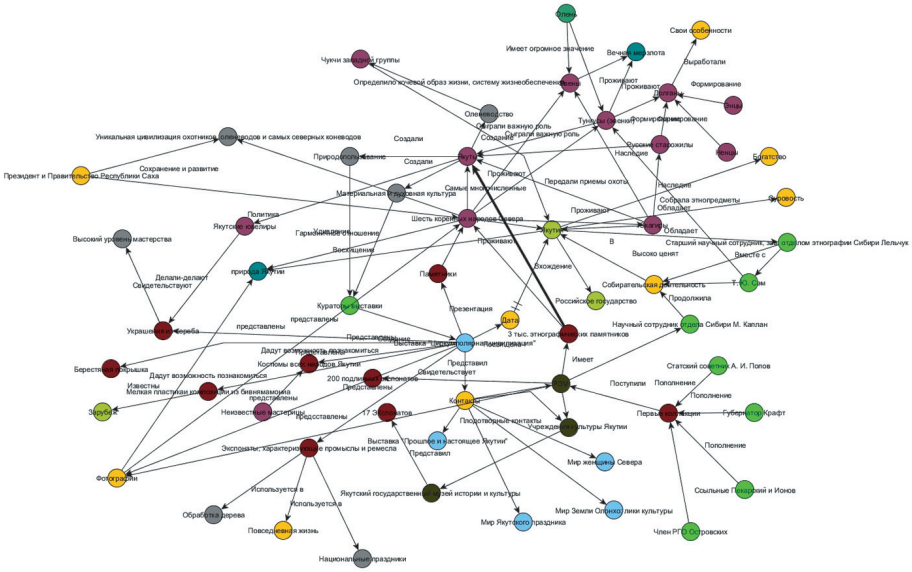

Схема 2. Гетерогенная сеть буклета «Циркумполярная цивилизация на вечной мерзлоте». Цветами обозначены: зеленым — территории, синим — особенности культуры народов, темно-синим — названия выставок, красным — природные объекты, бледно-зеленым — народы Севера, пурпурным — государственные акторы, бежевым — экспонаты, оранжевым — собиратели и этнографы, буро-зеленым — разные коллективные акторы, фиолетовым — музеи, темно-зеленым — культурные учреждения, серым — события.